

RU

Изучение структуры погребальной практики в отечественной археологии

Мельник В. И.

Аннотация. Цель исследования – показать этапы, динамику, сложности и достижения в изучении структуры погребальной практики в отечественной археологии. В статье последовательно представляются факты научных подвижек и дискуссий в этом направлении: отход от отождествления понятий погребального памятника и погребального обряда; введение понятия погребальной практики, которое включает такие стороны, как обычай, обряд и произвольные действия; структурирование погребального комплекса и границы использования тех или иных понятий. Научная новизна заключается в том, что впервые в отечественной археологии показано развитие представлений о структуре погребальной практики в теоретическом аспекте. В результате исследования установлены пути выявления в этой структуре символических, нормированных и ненормированных утилитарных действий, их соотношение и взаимопроникновение, а также осознание сложности и многогранности изучаемых объектов для их дальнейшего осмысления.

EN

Study of the structure of burial practices in Russian archaeology

V. I. Melnik

Abstract. The research aims to show the stages, dynamics, complexities and achievements in the study of the structure of burial practices in Russian archaeology. The paper presents in sequence the facts of scientific progress and discussions in this direction: moving away from the identification of the concepts of burial monument and burial rite; introducing the concept of burial practice, which includes aspects such as custom, rite and arbitrary actions; structuring the burial complex and determining the limits in the use of certain concepts. The research is novel in that it is the first in Russian archaeology to show the development of ideas about the structure of burial practice in a theoretical aspect. As a result of the research, ways of identifying symbolic, normalized and unnormalized utilitarian actions in this structure, their ratio and interpenetration, as well as an awareness of the complexity and multifaceted nature of the objects studied for their further understanding were established.

Введение

Погребения являются важнейшим археологическим источником. Для получения большего количества информации и понимания сущности явлений, связанных с названным археологическим объектом, необходимо выделение его структурных элементов. Эта работа служит отправным звеном для реконструкции практики создания погребального памятника и других действий, сопряженных с этим процессом. На этапе объяснения смысла реконструируемых действий возникает потребность вычленения структуры явления. В связи с этим знание становления теоретических разработок, имеющих отношение к структуре погребальной практики, является весьма актуальным для всех исследователей, изучающих такого рода объекты.

Задачи исследования заключались в выявлении идей, определяющих структуру погребальной практики, поэтапного их воплощения, а также рассмотрении конкретных предложений по дискуссионным вопросам.

Метод сравнительного анализа трактовок различных понятий позволял увидеть исходные позиции разных исследователей относительно сложившихся представлений в рассматриваемой области и существующих разработок по данной тематике в других областях знания.

Теоретической основой, определяющей позицию автора по вопросу о погребальном обряде, стала работа Д. М. Угриновича (1975), а по вопросу об обычае – исследования М. Ф. Пахомкиной (1971), С. А. Арутюнова (1981), а также С. А. Токарева (1980).

Материалом работы послужили статьи и выступления исследователей по обозначенной тематике, включая автора, что отражено в списке источников.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования его результатов в трудах археологов, анализирующих погребальные объекты, обобщающих работах, связанных с изучением погребальной практики, и в преподавании, которое затрагивает соответствующую тематику.

Обсуждение и результаты

Элементы погребального объекта выделялись практически с самого начала археологического изучения погребений. Более того, широкое поле этнографических свидетельств предоставляло возможности для непосредственного интерпретирования открывающихся форм погребений. Накопление огромного материала по погребальным памятникам потребовало новых подходов и методов обработки полученных сведений.

В отечественной археологии с начала 70-х годов XX века стали обсуждаться вопросы, относящиеся к структуре погребения в связи со статистической обработкой данных и необходимостью при этом их формализации. Вместе с тем при описании погребения очень широко использовалось понятие «погребальный обряд» и многие элементы погребения трактовались как его проявления. Иногда описание погребения фактически представлялось как описание погребального обряда. Во многих работах этого времени подчеркивалось, что понятие «погребальный обряд», которое используется в археологии, отличается от такового в этнографии. Однако приходило осознание того, что исторически осуществляемое погребение и археологически фиксируемое погребение (памятник) имеют разные характеристики и это надо учитывать в формализованном описании. Знаменательным было появление статей В. А. Кореняко (1976; 1977), где ставился вопрос о системном подходе к изучению погребального обряда и выделении здесь двух уровней: идеологического и инструментального – это означало, что начинается теоретический этап освоения проблемы.

Появление работ, где главной задачей ставилась классификация форм погребальной практики, стало одним из направлений в отечественной археологии начиная с 80-х годов прошлого века. Теперь уже используются коды для описания погребений, информационно-поисковые системы. Всё это создавало условия для перехода к изучению содержательной стороны этого феномена.

В теоретическом плане важной вехой была статья В. С. Ольховского «Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий», дающая схему связи различных компонентов, имеющих отношение к погребению. Прежде всего исследователь показал, что применение термина «погребальный обряд» по отношению к погребальному памятнику неправомерно. По В. С. Ольховскому, «нечеткое различие понятий “погребение” (входящее в понятие “погребальный памятник”) и “погребальный обряд” привело к тому, что одни и те же элементы (группы, классы и т. д.) у одних исследователей являлись элементами погребений, а у других – погребальных обрядов» (1986, с. 70). В центре схемы, предложенной исследователем, – погребальный обряд и погребальный памятник. В погребальном обряде выделялись две сферы – идеологическая и практическая. Идеологическая сфера имела два уровня – семантический и процессуальный. Погребальный обряд определялся как совокупность символических и реальных действий, соответствующих определенным нормам и религиозным представлениям в процессе совершения захоронения умершего. Включение сюда реальных (утилитарных) действий означало широкую трактовку данного понятия. Погребальный обычай, который мыслился как историческая предтеча погребальному обряду, был охарактеризован в рамках сферы идеологических представлений (Ольховский, 1986).

Другое направление структурного анализа погребальной системы разрабатывалось Ю. А. Смирновым. В основу его была положена морфология преднамеренного погребения, при этом исследователь рассматривал этот вопрос в рамках области, специально обозначенной как тафология, то есть области знания о формах и способах погребения. Для процесса преднамеренного погребения определяющими представлялись факторы целенаправленного и окончательного переноса останков умершего в тафосферу и полная их изоляция из среды первоначального окружения. Преднамеренное погребение рассматривалось как один из путей обращения с умершими. Другой путь обозначался как выставление и имел отношение к моросфере, которая связывалась со смертью и понималась как область нахождения и распада органических соединений. В результате была разработана модель известных типов обращения с телом умершего и их возможных сочетаний. Погребальный комплекс определялся как система, состоящая из четырех взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов. Они были представлены погребальным сооружением и останками погребенного, являющимися постоянными компонентами, и такими переменными компонентами, как погребальный инвентарь и дополнительная («сопутствующая») структура (Смирнов, 1985; 1990).

Исследование Ю. А. Смирнова получило последующее развитие и завершилось изданной в 1997 году монографией. Здесь подробнейшим образом был рассмотрен погребальный комплекс, где каждая составляющая отражена в схематическом приложении. В результате были представлены основные показатели с разветвленной структурой (Смирнов, 1997).

Характер разработок Ю. А. Смирнова на начальном этапе встретил некоторые возражения со стороны И. Л. Кызласова. И. Л. Кызласов, принимая результаты работы Ю. А. Смирнова, отметил, что за пределами исследования остались «внутренние закономерности самой погребальной практики, определяющие пути и линии ее развития» (1993, с. 101), и предложил искать истоки форм погребальной практики в мировоззренческих представлениях. Эти представления, по мнению исследователя, были связаны со смертью-перерождением. В качестве мест перерождения выступали земля, огонь, вода, дерево, гора, тело, сосуд, жилище. Именно их использование и воспроизведение привело к существующим формам погребальной обрядности (Кызласов, 1993).

Таким образом, было представлено три разных подхода к восприятию погребальной практики, оценивающих ее с разных сторон. Если В. С. Ольховский сосредоточился на терминологическом вопросе, то Ю. А. Смирнов продемонстрировал онтологический подход, а исходная позиция И. Л. Кызласова опиралась на мировоззренческие (идеологические) представления.

Обсуждение этих вопросов происходило на страницах журнала «Российская археология» (Гуляев, 1993), чему предшествовало рабочее совещание по проблемам интерпретации погребального обряда, организованное В. И. Гуляевым (1990). На данном совещании был поставлен ряд вопросов по структуре погребальной практики, что и вызвало последующую дискуссию.

Ключевая статья В. С. Ольховского 1986 года стала отправной при обсуждении проблем структуры погребальной практики. Как уже было отмечено, исследователь в своей схеме использовал широкое понимание погребальной обрядности. Нами был предложен вариант его узкой трактовки, а в связи с этим и другое соотношение обряда и обычая. В итоге погребальная практика включала такие основополагающие и взаимопроникающие компоненты, как обряд – символические действия, обычай – нормированные утилитарные действия и произвольные, ненормированные утилитарные действия. Важным компонентом предложенной позиции было утверждение, что в основе погребальной практики лежат утилитарные, по сути, бытовые действия (Мельник, 1990). В статье 1993 года В. С. Ольховский усложнил свою схему 1986 года и в значительной части учел нашу позицию в вопросе структуры погребальной практики. Исследователь отметил, что предлагаемый нами «аналитический подход к выяснению содержания исследуемых понятий, безусловно, верен» (Ольховский, 1993, с. 78-80). Однако его смутило два обстоятельства, которые были квалифицированы как использование одного термина для различных понятий и отсутствие четких определений для упоминаемых действий, присутствующих в погребальной практике. Недоразумение возникло из-за того, что нам были приписаны определения, данные другими авторами (разумеется, с указанием авторства) и приводимые в тексте, на фоне которых мы представляли свою позицию. Была названа широкая трактовка погребальной практики, которая охватывает фактически все формы обращения с умершим, что отражено в этнографической литературе. Узкая трактовка давалась со ссылкой на Ю. А. Смирнова, где ключевым моментом выступала полная изоляция останков умершего от среды первоначального окружения. Далее констатировалось, что понятия погребальной практики в узком смысле отражает лишь один из способов практики обращения с умершими. В отношении погребального обряда также возник вопрос о его широкой и узкой трактовке. Определение В. С. Ольховского, где погребальный обряд понимался как совокупность символических и реальных действий, в соответствии с нормами и представлениями при захоронении умершего (широкий вариант), выступало как фон для обсуждения. Далее следовало наше обоснование погребального обряда как системы символических действий, которое разворачивалось с опорой на исследование Д. М. Угриновича 1975 года (узкий вариант). При этом следует отметить, что существующие широкие и узкие трактовки тех или иных сфер и явлений не редки в науке. Более того, этот вопрос рассматривается в лингвистике как особый случай полисемии – авторской многозначности. В нашей работе были представлены факты состояния научных понятий, но никак не смешение разных определений.

В рассматриваемой статье В. С. Ольховского анализировались также работы Ю. А. Смирнова и коллективная монография «Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников)» (Генинг, Бунатян, Пустовалов и др., 1990). Принимая в общем позицию Ю. А. Смирнова, В. С. Ольховский расходится с ним лишь в некоторых деталях. Что касается коллективного исследования, связанного с формализованно-статистическим анализом погребальных памятников, то здесь В. С. Ольховский указывает на то, что авторы фактически отождествляют акции ритуала и элементы погребального памятника. Применяемая здесь «древовидная» схема погребального обряда, по его мнению, вряд ли целесообразна и более пригодна для описания погребального памятника.

В рамках дискуссионного блока была помещена и наша статья о соотношении погребального обычая и погребального памятника (Мельник, 1993). Проблема здесь снова завязывалась на широкой и узкой трактовке термина «обычай». Понимание обычая в широком варианте включало любые традиционные действия, в том числе и обряд. Нами отстаивался узкий вариант понимания обычая как действий традиционных, но практических, утилитарных. В связи с этим и обсуждался вопрос о взаимодействии обычая и обряда. Были предложены варианты сочетания обычая и обряда. Другая группа вопросов относилась к погребальному памятнику как объекту, который олицетворяет и воплощает завершающую фазу обычая. Была предложена структурная схема погребального памятника при взгляде со стороны обычая. Характер некоторых элементов погребального комплекса при таком восприятии в определенной мере соответствовал бытовым компонентам. В итоге вопрос об утилитарно-бытовой основе погребальной практики дополнялся предметной средой.

Дискуссия, связанная с погребальной обрядностью, была продолжена в 1995 году и преимущественно направлена на палеосоциологические реконструкции. В статье В. С. Ольховского (1995) тем не менее предыдущие разработки, посвященные погребальному обряду и погребальным памятникам, были представлены и послужили в качестве основы, которую использовали при обсуждении вопросов социологической реконструкции.

На третьем этапе дискуссии обсуждались вопросы, связанные с соотношением традиции, обычая и обряда. Здесь была представлена статья Н. А. Рычкова (1997), где анализировались предшествующие публикации 1993 года В. С. Ольховского (1993) и наша (Мельник, 1993). В начале работы рассматривался вопрос о соотношении понятий деятельности и действия, где указывалось на то, что в статье В. С. Ольховского они используются как синонимы. Затем внимание уделялось понятию традиции и ее связи с понятиями обычая и обряда. Поскольку обычай мыслился в широкой трактовке, то и обряд представлялся лишь частью обычая. При такой

постановке вопроса наша позиция, разумеется, подвергалась критике, причем представленная логическая конструкция никак не учитывалась. Высказывания Н. А. Рычкова по этому поводу были проанализированы нами позже. При этом было указано, что названия видов обрядового обычая, которые мы предлагали, являются условными (об этом в тексте статьи, рассматриваемой Н. А. Рычковым, сказано), и потому обвинение в их нелогичности несостоятельно (Мельник, 2001). Далее в статье Н. А. Рычкова были представлены рассуждения о рациональном и иррациональном, а также о традиции, обычаях и обряде как составных частях человеческой деятельности. Ответная статья В. С. Ольховского (1997) была помещена в этом же номере журнала. Здесь сразу же указывалось на то, что археологам приходится заниматься вопросами, весьма далекими от археологической практики, и проходящая дискуссия лежит как раз в этой плоскости. Далее констатировалось, что выяснение вопросов соотношения обычая и обряда, их мировоззренческой основы и структуры погребального памятника необходимо в разработке более строгого и адекватного понимания такого сложного явления, как погребение. Рассматривая вопрос о соотношении действий и деятельности, В. С. Ольховский отрицает их отождествление. Анализ видов деятельности, предлагаемых Н. А. Рычковым, показал их близость, по мнению В. С. Ольховского, его схеме. Следующий блок вопросов был посвящен обычаю, обряду, традиции и их соотношению, который обсуждался как ответ на высказанные возражения.

Фактическим продолжением дискуссии выступила наша статья, опубликованная в сборнике «Мировоззрение древнего населения Евразии» (Мельник, 2001). Статья была посвящена выяснению характера обрядовых действий в погребальном процессе в связи с позицией оппонентов по этому вопросу. Центральным звеном здесь выступила проблема соотношения действий, связанных с обычаем и обрядом, и действий прежде всего утилитарных, которым придавалось символическое значение. Их двойственность затруднила разграничение понятий и, видимо, стала одной из причин разногласий. Основной тезис нашей позиции заключался в том, что совершение погребения – это прежде всего утилитарный акт, который предполагает ряд необходимых действий, закрепленных обычаем. Обряд же особым образом одухотворял и дополнял эти действия. При этом подчеркивалось, что обряд в архаических обществах для участников процесса имел более высокий статус, чем естественные формы поведения. Древние люди, совершая различные утилитарные действия, могли некоторым из них придавать особый, религиозный смысл. Именно такого рода действия могут трактоваться как обрядовый обычай. Далее пояснялось, что действия обрядового обычая не созданы обрядом, они лишь им обозначены и по-прежнему решают утилитарную задачу, наряду с символической. В подтверждение возможности определения обычных (имеющих отношение к обычаю) и символических действий приведена процедура совершения погребения тувинских шаманов, которая имела четкое и последовательное описание. Поскольку данное описание представляет не отдельные похороны, а обобщенную характеристику похоронного процесса, то выделенные здесь действия являются нормированными, то есть присущими обычаю и обряду и своим чередованием образующими единый погребальный процесс.

В наших последующих работах была показана анимистическая природа погребального обряда. Погребальный процесс был представлен тремя событийными рядами: религиозно-мифологическим (сверхъестественным), обрядовым (символическим) и обычным (утилитарным). Погребальный обряд здесь выступает посредником между утилитарными действиями по отношению к телу умершего человека и воображаемой картиной событий религиозно-мифологического плана. Обрядовые действия насыщены различными формами символики, а погребальное сооружение больше всего отвечает характеристике как архитектурное творение (Мельник, 2005; 2006; 2011; 2016).

В исследовании погребений появляется и структурно-семиотический подход (Антонова, Раевский, 2002; Семенова, 2008), но осуществляется он на материалах сравнительно позднего времени, когда есть возможность использовать непосредственно мифологические и этнографические свидетельства.

Целенаправленное изучение погребальных структур поддерживалось Институтом археологии Российской академии наук, о чем свидетельствовали систематически проводимые «круглые столы» и конференции. Следующий этап этого движения сосредотачивался преимущественно на проблемах реконструкции и интерпретации погребального обряда, теоретических и методических подходах его изучения. Тем не менее обсуждение вопросов дефиниций и структуры погребальной практики продолжало оставаться востребованным. Более того, прошедшие дискуссии получили определенный резонанс. Была предпринята попытка представить в виде схемы позиции участников дискуссии с целью использования в практической работе (Лагуткина, 2010). В дальнейшем наблюдалась некая пауза в этом направлении и сосредоточение на методических вопросах. Однако в 2022 году состоялась конференция, посвященная памяти В. И. Гуляева, где наряду с обсуждаемыми здесь методическими подходами нами было предложено рассматривать погребальный комплекс как символическую композицию, которая может быть обозначена как погребальная инсталляция. Кроме этого, была поставлена проблема выделения в погребальной практике некой традиционной основы, которая могла бы способствовать реконструкции и пониманию обрядности изучаемых погребений (Мельник, 2022).

Заключение

Таким образом, представленный материал по обсуждению вопросов, связанных со структурой погребальной практики, приводит к выводу о сложности решаемой проблемы и определенных достижениях при поэтапном выяснении этой структуры. Выявляются основные идеи относительно различных структурных элементов погребальной практики. Вводятся специальные термины, характеризующие стороны погребального процесса,

и демонстрируется возможность различных подходов и схем. Понятие «погребальная практика» становится термином. При разных оценках тем не менее в структуре погребальной практики фиксируются символические, нормированные и ненормированные утилитарные действия. Получают некую определенность понятия «погребальный обряд» и «погребальный обычай». Работа, проделанная исследователями, демонстрирует не только терминологические усилия, но и онтологический, идеологический, символический, бытовой, анимистический и семиотический аспекты исследования. Всё это свидетельствует о выходе в решении данной проблемы на новый, более высокий уровень и открывает возможности для дальнейшего продвижения в этих вопросах.

Источники | References

1. Антонова Е. В., Раевский Д. С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии: в 3 т. / гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2002. Т. 1.
2. Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция // Советская этнография. 1981. № 2.
3. Генинг В. Ф., Бунатян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). К.: Наукова думка, 1990.
4. Гуляев В. И. Погребальная обрядность, структура, семантика и социальная интерпретация (Введение в дискуссию) // Российская археология. 1993. № 2.
5. Гуляев В. И. Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии // Краткие сообщения Института археологии. 1990. Вып. 201.
6. Кореняко В. А. Некоторые теоретические проблемы изучения древних погребений // Известия Северокавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1976. № 1 (13).
7. Кореняко В. А. Погребальная обрядность как система (к постановке проблемы) // Археология и вопросы атеизма / отв. ред. В. Б. Виноградов. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет, 1977.
8. Кызласов И. Л. Мировоззренческая основа погребального обряда // Российская археология. 1993. № 1.
9. Лагуткина Е. В. Изучение погребальных памятников в археологии: подходы и методы исследования // Краткие сообщения Института археологии. 2010. Вып. 224.
10. Мельник В. И. Анимистические представления и погребальный обряд // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии / отв. ред. М. Ф. Косарев. М.: ИА РАН, 2006.
11. Мельник В. И. Обряд в погребальном процессе: проблема структуры // Мировоззрение древнего населения Евразии / отв. ред. М. А. Дэвлет. М.: ТОО «Старый сад», 2001.
12. Мельник В. И. Погребальная практика и погребальный обряд // Краткие сообщения Института археологии. 1990. Вып. 201.
13. Мельник В. И. Погребальное сооружение: природная среда, традиция, обряд // Археологическая наука: практика, теория, история / отв. ред. А. Н. Гей, И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2016.
14. Мельник В. И. Погребальный комплекс как символическая композиция // Археология погребений: современные теоретические и методические подходы. Тезисы докладов всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти Валерия Ивановича Гуляева / отв. ред. Д. С. Коробов. М.: Институт археологии РАН, 2022.
15. Мельник В. И. Погребальный обычай и погребальный памятник // Российская археология. 1993. № 1.
16. Мельник В. И. Природная среда, традиция и символика погребального сооружения // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. – М. – Великий Новгород, 2011. Т. 1.
17. Мельник В. И. Символика элементов погребальной обрядности // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. Тезисы докладов всероссийской научной конференции / отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005.
18. Ольховский В. С. Обычай и обряд как формы традиции // Российская археология. 1997. № 2.
19. Ольховский В. С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология. 1993. № 1.
20. Ольховский В. С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. № 2.
21. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. 1986. № 1.
22. Пахомкина М. Ф. Обычай как социальное явление: автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 1971.
23. Рычков Н. А. Традиция, обычай, обряд (к соотношению понятий) // Российская археология. 1997. № 2.
24. Семенова В. И. Мифология мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008.
25. Смирнов Ю. А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: «Восточная литература» РАН, 1997.
26. Смирнов Ю. А. Морфология погребения (Опыт создания базовой модели) // Исследования в области балтославянской духовной культуры (Погребальный обряд) / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская. М.: Наука, 1990.
27. Смирнов Ю. А. Тафология. Попытка системного подхода // Человек и окружающая среда в древности и средневековье: материалы совещания 25-26 января 1983 г. МОИП / отв. ред. А. К. Станюкович. М.: Наука, 1985.
28. Токарев С. А. Обычай и обряды как объект этнографического исследования // Советская этнография. 1980. № 3.
29. Угринович Д. М. Обряды. За и против. М.: Политиздат, 1975.

Финансирование | Funding

Работа выполнена в рамках научного проекта НИОКТР 122011200270-0.

The study was carried out within the framework of the scientific project NIOKTR 122011200270-0.

Информация об авторах | Author information

Мельник Валерий Иосифович¹, к. ист. н.

¹ Институт археологии Российской академии наук, г. Москва

Valeriy Iosifovich Melnik¹, PhD

¹ Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ melvaler@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.08.2024; опубликовано online (published online): 02.09.2024.

Ключевые слова (keywords): погребальная практика; погребальный памятник; структура погребальной практики; погребальный обряд; обычай; погребальная инсталляция; burial practice; burial monument; structure of burial practice; burial rite; custom; burial installation.